

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

**АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА
В
ИСПАНИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т. Левин
1. Ленинград
1937 г. проф.

Акад. И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА
В
ИСПАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА • 1937 • ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Февраль 1937 г.

Непременный секретарь академик *Н. Горбуное*

Ответственный редактор акад. А. М. Деборин

Технический редактор О. Давидович

Ученый корректор А. Мирошников

Сдано в набор 7 января 1937 г. — Подписано к печати 13 февраля 1937 г.

32 стр.

Формат бум. 62 × 94 см.—2 печ. л.—2.05 уч.-авт. л.—40 925 тип. зн.

Тираж 30225

Ленгорлит № 849. — АНИ № 7. — Заказ № 43

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во втором полугодии 1936 г. мною, по просьбе ряда востоковедных учреждений Ленинграда (Института истории, философии и лингвистики, Института востоковедения Академии Наук СССР, Восточного института) была прочитана несколько раз публичная популярная лекция «Арабская культура в Испании». Многочисленные, продолжающие поступать ко мне, в связи с нею, вопросы показывают, что интерес к теме распространен и за пределами того круга лиц, которые могли быть непосредственными слушателями лекции. Отсутствие за последние годы какой бы то ни было литературы по этому предмету на русском языке подало мне мысль напечатать лекцию, хотя предметом моих занятий были только некоторые стороны затронутой темы.

Имея в своем распоряжении полтора часа, я не мог, естественно, охватить тему во всей полноте и должен был сжимать материал до предельной возможности. С этой целью я отказался от какой бы то ни было характеристики искусства, которая требует иллюстрации соответствующим материалом, равно как и литературы, в частности поэзии, образцы которой существуют в переводах на западноевропейские языки. Я старался очертить те стороны культуры, которые сравнительно мало известны в обычном представлении, указывая по возможности результаты, достигнутые в изучении их наукой за последние годы. Не перегружая изложения деталями, я, однако, позволил себе в отдельных случаях иллюстрировать его конкретными фактами, цифровыми данными и немногочисленными цитатами. Систематическое внимание я старался уделить отдельным источникам для изучения определенных сторон культуры, в особенности таким, которые стали известны недавно и еще не вошли в широкий обиход науки.

В печатном виде я дополнил лекцию кратким обзором литературы предмета, ограничив его упоминанием пособий общего характера; в примечаниях к лекции, в противоположность этому, я позволил себе остановиться и на некоторых более частных моментах, имея в виду тех читателей, которые пожелали бы получить более углубленные сведения о данных, на которых основаны мои выводы. Сопровождать все изложение систематическими ссылками на источники представлялось невозможным, так как почти каждую фразу пришлось бы перегружать рядом цитат.

Самый текст лекции печатается в том виде, как он был прочитан в Ленинграде в большом конференц-зале Академии Наук СССР 17 ноября 1936 г. (с незначительными дополнениями в деталях); для удобства обозрения он разбит на отдельные мелкие параграфы, которым даны специальные заголовки. Собственные имена в лекции переданы в упрощенной русской форме; в обзоре литературы и в примечаниях они приводятся с соблюдением правил обычной транскрипции, принятой в русской научной литературе по арабистике.

АРАБСКАЯ КУЛЬТУРА В ИСПАНИИ

Моя сегодняшняя лекция об арабской культуре в Испании вызвана само жизнью. Прошло уже много месяцев, как в наших ушах снова зазвучали старые, иногда с детства знакомые нам названия — Гранада, Севилья, Толедо; гражданская война наполнила их новым содержанием и приковала внимание всего мира к последним событиям. Перед настоящим отступило назад прошлое, и его краски потускнели. Нельзя сказать, чтобы мы хорошо знали это прошлое: оно доходило до нашего сознания не столько в аспекте науки, сколько в ореоле романтики — романтики поэзии и искусства. Самое представление об арабской культуре в Испании сложилось под влиянием романтизма. Поэты сыграли здесь большую роль, чем ученые, и едва ли какое-нибудь произведение было здесь так популярно, как повесть Шатобриана «Последний Абенсераж» (1826 г.). Влияние романтизма было широко и плодотворно: достаточно напомнить, что пушкинская «Сказка о золотом петушке» своими корнями уходит в сборник легенд под названием «Альхамбра», составленный в Испании американским писателем Ирвингом (1832 г.). Романтизмом овеяны были и первые научные работы об арабской культуре в Испании, появившиеся в 60-х годах. Автор одной из них, фон Шахк — основатель знаменитой мюнхенской картинной галлерей, переводчик Шахнамэ; понятно, что в его книге поэзия и искусство поглотили все остальное. Второй — ученый профессионал, голландский историк Дози во всей доступной тогда полноте владел арабскими материалами, но талант художника иногда одерживал в нем верх над скептицизмом ученого; многие страницы его блестящей 4-томной «Истории мусульман в Испании» читаются с захватывающим интересом, как исторический роман, но часто налет романтизма окутывает в них своим покровом реальную действитель-

ность. Обаяние таланта Дози было настолько сильно, что почти полвека после него никто не решался возвращаться к этим сюжетам. Писать об арабах в Испании после Дози значило, как выразился один ученый, «писать Илиаду после Гомера». Только с начала нашего века стали опять обращаться к этим темам; трудами, главным образом, испанских ученых стали выясняться другие стороны арабской культуры в Испании. На ряду с блестящими памятниками искусства, на ряду с яркой, красочной поэзией перед нашими глазами стал медленно открываться фон этой картины, неведомые раньше скрытые пружины всей культуры, занимавшей когда-то первое место в Европе.

Об известных всем сторонах этой культуры — об искусстве и поэзии — я буду говорить мало. Памятники искусства, иногда в блестящих образцах, представлены в наших собраниях Эрмитажа или доступны по снимкам; образцы поэзии имеются в переводах на европейские языки. Мне хотелось бы, главным образом, хоть немного приоткрыть фон картины, осветить мало видимые пружины этой культуры, которые раньше затенял налет романтизма.

I. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ. ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ

Хронологические рамки этой культуры для нас ясны. К началу VIII в. н. э. карта не только Ближнего Востока, но и средиземноморского бассейна в его южной части оказалась совсем не такой, как еще век тому назад — в начале VII столетия. Новое государство — арабский халифат со столицей в Дамаске — раскинуло свои владения от Индии до Атлантического океана, от Средней Азии до Центральной Африки. Моря арабы не любили и не сразу к нему привыкли, но и оно послужило преградой не надолго. В 710 г. был совершен первый набег в Испанию только с 500 человек, а уже в 711 г. мелкий военачальник Тарик переправился сюда с 7 тысячами. Легендами окружена его фигура; в Европе вечным памятником о нем остался названный по его имени Гибралтар (Гэбель Тарик—гора Тарика). У арабов знаменито начало его речи перед решительным сражением: «О люди, куда бежать? Море за вами, враг перед вами, у вас нет ничего, кроме стойкости и терпения...» И до сих пор звучит эта речь во всех школах арабских стран, как образчик военного красноречия. Король вестготов был разбит в первом же бою, где войско

Тáрика состояло из 12 тысяч, на берегах Вáди Бáкка к югу от Кáдиса. Быстро пали Кóрдова, Толедó; движение шло неуклонно на север, но через 20 лет, в 732 г., ему положил предел уже на юге Франции Карл Мартéлл; дата знаменательна, если вспомнить, что ровно за сто лет до этого умер основатель ислама Мухáммед. С тех пор южная Франция редко оказывалась во власти арабов, независимым остался и северо-запад Пиринейского полуострова с областями Галисия и Астурия. Отсюда, с севера, почти сейчас же началось и обратное движение, вытеснившее арабов из занятых ими провинций, обратное завоевание — «реконкíста», перешедшее в историю с испанским термином.

Центры арабской культуры с самого начала сосредоточились на юге. Первым, и едва ли не самым блестящим, явилась здесь Кóрдова. Через пять лет после того как на Востоке, в Дамаске, пала династия омейядов (750 г.) и ее представители подверглись почти поголовному истреблению, один из них, спасшийся сперва в северную Африку, а затем в Испанию, сумел в Кóрдове положить начало самостоятельному княжеству — эмирату. «Сокол корейшитов», как с уважением прозвали его враги на Востоке, Абд ар-Рахмáн «пришлец», как звали его в Испании, был не только коварным и жестоким политиком, но и сентиментальным поэтом. Легенда говорит, что он посадил первую пальму в Испании, что у ее подножия в стихах выливал свою тоску по родине, сравнивая себя с этой пальмой, тоже чужестранкой в Андалусíи. Больше 30 лет продолжалось его правление (755—788 гг.); оно положило начало династии знаменитых кордовских омейядов, расцвет которой связан с именем Абд ар-Рахмáна III «победоносного», принявшего титул халифа. Почти 50 лет провел он на троне (912—961 гг.), но легенда говорит, что только 14 счастливых дней мог насчитать он за эти 50 лет. Меньше трех веков просуществовала омейядская династия в Кóрдове; истомленная гражданскими войнами, она пала в 1031 г., и в Испании возникла масса мелких самостоятельных арабских княжеств почти во всех крупных городах — Сарагóссе, Толедо, Севилье, Гранáде, Мáлаге, Альжезирасе, Бадахозе, Валенсии, Мурсии. Арабские историки дали этим князькам удачно то же название, как преемникам Александра Македонского, разделившим после него империю на Востоке. Основным центром культуры в этом периоде явилась Севилья. В конце XI в. выделяется здесь фигура эмира-поэта ал-Мутамида (1018—

1095 г.), современника знаменитого Сида (ум. в 1099 г.), героя испанского эпоса. Если в Кóрдове процветала наука, то в Севилье — музыка и пение. Еще в XII в. знаменитый Аверроэс, хорошо знавший оба города, говорил: «Если в Севилье умирает ученый, его книги везут продавать в Кóрдову; если в Кóрдове умирает музыкант, его инструменты везут продавать в Севилью». Но жизнь не шла спокойно: приближалась вторая волна из северной Африки, несшая с конца XI в. берберские племена — династии сперва альморавидов (1090—1146 г.), потом альмохадов (1149—1269 г.). С первыми идет на арабскую Испанию волна фанатизма, по временам глушащего всякую культуру, всякое проявление свободной мысли. Конечно, и в этом периоде могли иногда появляться такие замечательные произведения, как философский роман Ибн Туфейля (ум. в 1185 г.), вызвавший впоследствии живой интерес в Европе, так что с ним пытались связывать даже «Робинзона Крузо». Однако одновременно с утверждением альмохадов усиливается натиск христиан с севера. Под этим натиском падает в 1248 г. Севилья, и элегия на ее гибель уроженца Рóнды Абу-ль-Бакá Сáлиха, которая начинается мрачными тонами: «у всего, что достигло завершения, наступает ущерб; пусть ни один человек не обольщается своим благоденствием» — звучит уже как отходная арабской культуры в Андалусии. Единственным очагом остается еще на два с половиной века Гранáда. Знаменитая «Альхамбра» говорит, что и в эту эпоху арабы создавали попрежнему мировые памятники искусства, но дни их самих уже сочтены: в 1492 г. в Гранáду входит король Фердинанд Католик, и последние арабы уходят в Африку. Гибралтар сохранил имя первого полководца, завоевавшего Испанию; *Último suspiro del Moro* («последний вздох мавра») называется до сих пор один холм около Гранáды, с которого кинул прощальный взор на свою бывшую столицу последний мавританский властитель в Испании. Круг развития арабской культуры завершился, хотя ее влияние и жизнь в другой оболочке продержались еще много веков.

II. СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Кто же были носители этой культуры? Арабы, мавры, берберы, романцы? Вот первый вопрос, с которым мы сталкиваемся, и не без оснований он кажется сложным.

Присматриваясь к истории арабской Испании во все периоды, всюду мы замечаем одинаковую картину: большую пестроту населения не только в смысле племенном-этническом, но и в смысле различных социальных группировок, и существовавших раньше, и создавшихся вновь.

Арабы застали в Испании два основных элемента — вестготов и потомков римлян, постепенно составивших романское население полуострова. Основная масса завоевателей была берберы; их название «мавры», закрепленное за ними еще античной древностью, впоследствии перешло на все население северной Африки и, в частности, и на самих арабов, дав общий, немного сбивчивый термин «мавританской» культуры, «мавританского» искусства. На ряду с берберами арабы количественно играли при завоевании меньшую роль; однако в их руках была главная военная власть, единственно себя они считали представителями родовой аристократии. С самого начала отношения обострились; дело не ограничивалось мелкими раздорами: уже в 741 г. вспыхнуло громадное восстание берберов, подавленное арабами с большим трудом и жестокостью. С этого времени начинается сознательная политика усиления арабского элемента. Однако и это положения не спасает: арабы приносят с собой с родины старую вражду южных и северных племен (кельбитов и кайситов); местные условия вносят и другие осложнения — борьбу арабов мединского происхождения (так наз. ансаров — сподвижников Мухаммеда) с арабами из Сирии (сторонниками омейядов). Создаются определенные территориальные группировки: арабы поселяются преимущественно в городах, берберы, ищущие условий, хоть несколько напоминающих их родину, — в горах. Арабы, представители родовой аристократии, в связи с завоеванием получают большие земли и такое же количество рабов; делаясь полунезависимыми, они стремятся сохранить свои прерогативы и вступают в оппозицию с усиливающейся властью омейядов. При Абд ар-Рахмане III эта оппозиция сломлена, тоже с большими жертвами; после падения Кордовы аристократия пытается вернуть свое значение, но без успеха. На смену ей идут богатеющий средний городской класс и формирующаяся военная аристократия, часто уже не из арабов. Низший слой населения в городах, хотя и пользуется личной свободой, но экономически слаб и стеснен; часто вспыхивают восстания, не достигающие результатов при своей раздробленно-

сти и случайности. Немалую роль в городах, как увидим, играют не арабы.

Положение рабов, прикрепленных к земле, во время арабов оказывается лучше, чем при вестготах; часто они превращаются в мелких землевладельцев. Рабы персональные обыкновенно сосредоточиваются в городах и, как во всем арабском мире, нередко достигают высоких, очень влиятельных должностей — как смотрители дворцов, евнухи, как начальники войска.

Ко II в. владычества арабов в Испании важную роль начинают играть нео-мусульмане, по традиции испанских источников называемые обыкновенно ренегатами. Составляются они обычно из вольноотпущенников, по арабской терминологии — «мáуля» — того самого класса, который играл такую важную роль на всем арабском Востоке. В большинстве случаев это христианские рабы вестготов, принявшие ислам и тем самым получившие личную свободу. Особенно много было среди них славян; под влиянием этого, впоследствии, термином «славяне» стали называть у арабов в Испании всех рабов западноевропейского (романского или германского) происхождения. О количестве их можно судить по тому, что при Абд ар-Рахмáне III в одной Кóрдове считалось около 14 тысяч таких вольноотпущенников из «славянских» рабов. В своей борьбе с аристократией халифы старались опираться на них; орудие, конечно, оказалось обоюдоострым, и постепенно вольноотпущенники превратились в преторианцев, распорядившихся властью и властителями уже по своему усмотрению. Такими же нео-мусульманами, на ряду с вольноотпущенниками, был класс «мувáлладов» (термиц, давший слово «мулáт»), тех, у кого отец или мать были мусульманами. Отношение к ним со стороны исконных мусульман, на первых порах, было более чем сдержанным: их стремились поставить в подчиненное, иногда даже унижительное положение. Известны случаи ожесточенных восстаний этих «ренегатов». Однако уже с Абд ар-Рахмáна II они начинают оказывать большое влияние на развитие культуры и постепенно становятся одним из основных элементов в халифате.

Покоренное население по религиозному признаку распадалось на евреев и христиан; и те и другие, согласно общемусульманскому закону, причислялись к особому классу «зímмиев» и за необременительный налог сохраняли личную и вероисповедную свободу. Положение евреев в арабскую эпоху было

несравненно лучше, чем при вестготах, особенно в последнее время. Жили они преимущественно в городах, составляя иногда довольно значительную часть населения. Даже Гранáду одно время, после омейядов, называли еврейским городом. Один городок Лусéна (между Кóрдовой и Мáлагой) был населен почти исключительно ими. Географ XII в. (аль-Идриси) пишет о нем: «Евреи живут здесь в центре города и не пускают там селиться мусульман. Вообще в Андалусии они богаче, чем где бы то ни было в мусульманских странах». Для иллюстрации их положения достаточно вспомнить хотя бы одну фигуру Хасдáя ибн Шапру́та, знаменитого казначея и первого министра Абд ар-Рахмáна III, в то же время переводчика ботаники Диоскорида с греческого на арабский язык и основателя еврейской школы в Кóрдове, затмившей месопотамскую. Такую же роль после падения омейядов играл в Гранáде у повелителя ее Самуель ибн Нагрéлла (ум. в 1055 г.). Он был не только еврейским ученым, писателем и поэтом, но с таким же изяществом писал и по-арабски. Обладая выдающимися знаниями в математике, астрономии и логике, он владел больше чем семью языками. Евреи усвоили костюм, обычаи и язык арабов; из них слагался основной контингент дипломатов, врачей, ученых и купцов. С падением Севильи при альморавидах положение их стало ухудшаться. Кастилья приняла их гостеприимно, и в одном Толедо образовалась колония численностью в 12 тысяч.

Аналогично было положение христиан, оставшихся в арабских владениях, безразлично вестготского или романского происхождения. В испанских источниках они получили характерное наименование *mozárabes* («арабизованные») — термин арабского происхождения. Они сохраняли свое управление, во главе которого стоял утверждаемый халифом правитель с латинским названием *defensor* или *protector*, иногда *comes*. Сохранились у них церкви и монастыри, даже в самой Кóрдове. И все же, несмотря на эту автономию и отсутствие видимого принуждения, арабизация пошла у них еще быстрее, чем у евреев. В IX в. кóрдовский епископ А́льваро горько жаловался на своих сородичей в одной из проповедей: «Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется

хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на священное писание? Кто среди них изучает евангелия, пророков и апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятелю сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени изящно и сочиняют стихи на этом языке с бóльшей красотой и искусством, чем сами арабы».

Прошел еще век и для христиан понадобилось переводить евангелие на арабский язык — до того они забыли родную речь. Даже тогда, когда Толедо был уже под властью христианских королей, мозарабы предпочитали пользоваться в своих деловых документах арабским языком. Для суждения об этом наука располагает исключительным по ценности материалом: до настоящего времени сохранился в значительной части архив толедской общины мозарабов. Несколько лет тому назад он издан и обработан одним испанским ученым, так что теперь мы имеем полную возможность наблюдать внутреннюю жизнь этой общины в XII—XIII вв. во всех ее проявлениях; можем судить и о полной арабизации этих христиан, среди которых даже духовенство носило обыкновенно арабские имена.

Как у евреев, так и у мозарабов не всегда жизнь под арабским владычеством шла спокойно. Не всегда в этом были виноваты повелители. В IX—X вв. в Кордове среди христиан вспыхнул своеобразный психоз мученичества, когда они один за другим, публично издеваясь над религией мусульман и понося Мухаммеда, старались навлечь на себя осуждение на казнь. Эта вспышка нашла себе отражение и в арабских и в испанских летописях (рассказ одной из них передан на русском языке в изящной обработке легенды «Флора и Евлогий» С. Ф. Ольденбурга). С переходом власти к берберским элементам в Андалусии и с успехами реконквисты рос фанатизм с обеих сторон, и положение христиан делалось все тяжелее.

Реконкиста вызвала создание еще одной группы населения, постепенно усиливавшейся количественно — так наз. «мудéхаров» — мусульман, оставшихся в покоренных обратно христианами провинциях. Они явились деятельными проводниками арабских влияний в западной среде, в частности велика была их роль в архитектуре и прикладном искусстве. С XVI в., когда на полуострове не осталось самостоятельных арабских государств, они получают название морйсков; оставаясь свободными в Кóрдове, они превращаются в вассалов — крепостных в Арагонии и Валенсии. Конец их, как увидим, был трагичен.

Пестрота населения и смешение рас встречается нас на всем протяжении истории арабского периода; количественный перевес редко на стороне восточного элемента. В начале XIV в. посланник испанского короля Дон Хайме II арагонского сообщает папе Клименту V, что из 200 тысяч населения в Гранáде едва 500 чистых арабов, остальные потомки христиан или неомусульмане и до 30 тысяч христианских рабов.

Понятно, что такой пестрый, и этнически и социально, состав вызывал постоянные гражданские войны; победителям приходилось иметь дело и с восстаниями побежденных и с проявлениями национализма. Немало затруднений причиняли и сами мусульмане, враждовавшие между собой, — потомки арабов и берберов. В известной мере эта разнородная масса сдерживалась единством культуры, очень быстро, как мы видели на примере мозáрабов, нивелировавшей разнородные элементы; однако основную роль играла внешняя сила — администрация и войско.

III. АДМИНИСТРАЦИЯ, СУД, ВОЙСКО

Какова же была эта администрация? Первоначально Испания была только провинцией восточного халифата и управлялась наместниками, назначаемыми из Дамаска. Но уже с 755 г. кóрдовский эмират стал самостоятельным, а в 929 г. превратился в независимый халифат. Как и на Востоке, высшим шефом являлся халиф, объединявший власть административную, судебную и военную. Теоретически сан его был выборным, практически он оказывался наследственным или переходил по праву сильного. В структуре аппарата возникали некоторые изменения сравнительно с востоком халифата: там верховным сановником был

великий везír, здесь таковым оказывался хáджиб, на Востоке являвшийся только министром двора, а везír оставался почетным титулом без реального содержания. Фактическая власть, как и там, часто сосредоточивалась в руках различных кя́тибов — секретарей. Провинции управлялись особыми начальниками — вáлиями; исключительное значение при постоянной борьбе с христианами приобретала для Испании граница, — создалась особая должность правителя границы, которой в восточном халифате не было.

Доходы государства слагались из различных податей, личных и земельных. Определенная десятина взималась с сельских продуктов, с промышленности, торговли. Финансовый аппарат требовал точного учета, и поэтому часто мы встречаем упоминания о переписи, о статистических сводках. На первых порах они идут по племенам, а с разгромом родовой аристократии базируются на территориальном принципе.

Во всем аппарате громадную роль играет судья с хорошо известным нам названием «ка́ди» (сохранившимся в испанском *alcalde*). Роль его далеко не исчерпывается одними узко-юридическими функциями. Главным является судья соборной мечети в Кóрдове, которому подчинены все провинциальные. Должность эта была очень важная — назначения на нее производились лично халифом из числа людей, известных не только честностью, но и знаниями. Функции носили характер религиозный: все мусульманское право сплошь канонично и основано на Коране или на преданиях о Мухáммеде. Сам халиф теоретически был подчинен судье, так как тот должен был рассматривать жалобы, подаваемые на него, и такие случаи фактически бывали. Судье поручалась опека над сиротами и невменяемыми, он был патроном бедных и неграмотных, исполнителем завещаний, записывал акты рождений, браков и смерти.

Сохранился один замечательный источник, позволяющий нам взглянуть на картину его деятельности во всей полноте и деталях. В X в. один историк аль-Хушани (ум. в 971 г.) составил «Историю кóрдовских судей», в которой он описал жизнь и нравы приблизительно сорока деятелей, занимавших этот пост, и попутно всю обстановку их деятельности. На первый план выступает, конечно, фигура кóрдовского судьи, который бывал строгим ревнителем закона, не боявшимся, если было нужно, отстаивать его перед халифом. Мелькают фигуры секретарей, адвока-

тов, а рядом с ними, конечно, полицейских и палачей. Одни за другими являются в главную кóрдовскую мечеть, где происходит суд, мужчины и женщины, спорят, препираются, выслушивают упреки, угрозы и приговор судьи. В общем получается картина, полная красок и жизни, воскрешающая обитателей кóрдовского халифата с их страстями, мыслями и чувствами. Вдали от всего этого видны халифы, которые живут уединенно, но внимательно присматриваются ко всему, что волнует их шумную и очень часто непокорную столицу.

Любопытной иллюстрацией разносторонней деятельности судьи может служить сохранившийся сборник решений одного кóрдовского юриста XI в.: ему приходилось разбирать вопросы об оплате лодочников, перевозивших пастухов со стадами с одного берега Гвадалквивира на другой, о разрешении кóрдовским христианам построить новую церковь, о запрещении им проезжать, для сокращения дороги, со своими телегами по могилам мусульманского кладбища.

Своеобразное юридическое учреждение представляет апелляционный суд, известный и на востоке, который впоследствии перешел к испанцам в Арагон в виде *Justicia mayor*. Судья был связан с религиозными учреждениями и территориально: специальных зданий для суда на мусульманском Востоке не было, и весь судебный процесс происходил в мечетях, которые часто, как кóрдовская, являлись выдающимися памятниками искусства. Из четырех равноправных в мусульманском мире юридических школ в Андалусии утвердилась, в конце концов, наиболее консервативная, так наз. маликитская, руководством которой служил свод ее основателя Малика (ум. в 795 г.), дающий разбор 1700 юридических казусов. Законоведы (факихи) со своими учениками составляли довольно многочисленную организацию: в Кóрдове при первых омейядах их насчитывалось не меньше четырех тысяч. Нередко они вступали в коалицию с другими слоями населения и даже поднимали восстания против власти, стремившейся ослабить их влияние. Самое утверждение маликитов проходило в жестокой борьбе против других толков, иногда в часто повторяющихся в истории формах. Когда они укрепились в Севилье, они сожгли на площади библиотеку богослова другой школы, знаменитого Ибн Хазма (994—1064 гг.), изящное произведение которого «Ожерелье голубки», существующее и в русском переводе, так мало напоминает сухого догматика.

На сожжение своих книг он ответил спокойно и достойно стихами: «Бросьте говорить мне про сожжение пергамента и бумаги; говорите лучше про мою науку, чтобы люди видели, кто знает. Если вы и сожжете бумагу, то ведь не сожжете того, что содержит бумага: оно останется у меня в груди. Оно идет со мной, когда движается мой караван; остановится, если остановлюсь я, и будет похоронено в моей могиле». При альморавидах в начале XII в. было сожжено в Кордове и во всех других городах даже такое далеко не вольнодумное произведение, как «Оживление религиозных наук» богослова восточного халифата аль-Газали (ум. в 1111 г.), признанного впоследствии столпом правоверия; под страхом смерти и конфискации имущества было запрещено хранить его экземпляры.

Кострами приходилось устрашать иногда инако мыслящих в арабской Испании, и войско не всегда предназначалось только против внешних врагов. Уже при завоевателе Испании регулярные постоянные части дошли до 40 тысяч. В своем строе до разгрома родовой аристократии оно было основано на старом арабском племенном принципе. Каждое племя выставляло определенное количество солдат со своим шефом и своим знаменем. Весной регулярно предпринимались набеги для добычи в христианские области, причем общее начальство поручалось командующему (аль-каиду). Войско состояло из пехоты и кавалерии; последняя, в связи с местными условиями, чаще пользовалась мулами, чем лошадьми. В пограничных областях, как и в других частях арабского мира, возникали своеобразные рыцарски-монашеские организации, так наз. «рибаты», ставившие целью постоянную борьбу с христианами. Само войско с обеих сторон конечно не подбиралось по вероисповедному признаку, и смешение было большое. Знаменитый Сид с одинаковой легкостью участвовал в боях то на испанской, то на арабской стороне.

Флот для арабов играл важную роль и в торговом и в военном отношении. Надо было обеспечить безопасность торговых путей и своих собственных границ. Расцвет его относится ко времени того же Абд ар-Рахмана III; главным портом и доком являлась Альмерия. Еще в XII в. этот порт играл крупную международную роль: в гавани всегда были видны суда из Пизы и Генуи, Египта и Сирии, и в городе насчитывалось до 970 постоянных дворов, зарегистрированных в податных списках. Военная деятельность флота направлялась и на север и на юг; на оконечности

Пиринейского полуострова арабы часто тревожили Галисию и Астурию, которые все время оставались во власти христиан; в Средиземном море они старались не уступать первенства своим врагам — фатимидским султанам Египта. Флот не мог, однако, защитить Испанию от «норманнской опасности» — набегов викингов из Скандинавии, которые тревожили берега и в IX и в X вв., а впоследствии утвердились в Сицилии.

IV. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ (ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВЛЯ)

Базой, на которой держалась арабская Испания, была, конечно, ее развитая экономическая жизнь. Несомненно, что во времена халифата Андалусия оказалась одной из самых населенных и богатых стран Европы. В Кордове, например, считалось около 113 тысяч домов с полумиллионным населением и тремястами бань, в Севилье в эпоху ее расцвета было до 400 тысяч жителей, в Гранáде до 500. При Абд ар-Рахмáне III ежегодный доход составлял 6 миллионов 245 тысяч динаров, в 951 г. при подсчете государственной казны в ней было обнаружено около 20 миллионов динаров. Эти цифры сами будут за себя говорить, если напомнить, что динар составлял от 12 до 20 франков золотом.

И при арабах Испания осталась страной по преимуществу земледельческой и садовой культуры. Положение ее еще больше укрепилось с ликвидацией крупных вестготских поместий и с усилением класса мелких землевладельцев. Арабы сумели усвоить уже многовековой местный опыт и пересадить сюда такой же многовековой опыт Востока. Если на первых порах теоретические трактаты существовали только у мозáрабов, то постепенно агрономическая литература стала возникать и у арабов, питаясь двойной традицией.

Культура зерновых злаков не стояла на первом месте: Испания в арабскую эпоху обходилась, правда, своим хлебом, но излишка его для экспорта не имела, а в неурожайные годы иногда должна была ввозить хлеб из Африки. Главное внимание посвящалось садоводству и огородничеству. Ранее существовавшие культуры были арабами усвоены и расширены: ведь испанские маслины славились еще с римской эпохи; виноградники продолжали доставлять знаменитые вина целому ряду стран. Ислам не мешал выделке вина, а иногда и потреблению его на

месте. Еще важнее были новые, принесенные арабами, культуры, которых раньше Испания не знала: рис, сахарный тростник, шелковица. О размере их можно судить по тому, что в одном сравнительно небольшом округе Хаэн около 3 тысяч селений занимались шелководством. Значительную роль играли хлопок, маис, фруктовые деревья — финики, персики, гранаты, апельсины. Все эти культуры требовали очень сложной и научно-обоснованной системы орошения: у арабов здесь оказался больший опыт, чем у испанцев, и почти все современные испанские термины, связанные с орошением, отчетливо сохранили свою арабскую форму (*asequia*, *poria*).

Календарь сельскохозяйственной жизни в Испании и при арабах остался романский. Это понятно, так как мусульманский год — лунный, и месяцы постепенно перемещаются по разным временам года, что для систематической регулировки работ неудобно. О ходе этих сельскохозяйственных работ, об укладе всей жизни земледельца в арабской Испании мы располагаем совершенно исключительным источником, который позволяет нам судить о ней с большой подробностью. Это так наз. кордовский календарь 961 г. По существу это справочник для мелкого земледельца, дающий не только сельскохозяйственные, но астрономические и метеорологические сведения. В конце каждого месяца по отдельным числам приводится распределение связанных с ними полевых, огородных, садовых работ, и картина трудовой жизни встает перед глазами во всей полноте, с большой отчетливостью. Та форма, в которой этот календарь до нас дошел, тоже характерна для культуры арабов в Испании. Арабский подлинник не сохранился, но существуют арабский текст в передаче еврейскими буквами и латинский перевод, сделанный в том же X в. Этот пример показывает, как быстро смешанная среда усваивала произведения, возникавшие в одном из ее слоев. Двумя веками позже севилянец Ибн аль-Аввám составил очень обстоятельный трактат об агрикультуре, а в половине XIV в. гранадец Ибн Луюн (сын Леона) в обширной поэме, напоминающей своими мягкими тонами «Георгики» античной древности, давал наставления земледельцу, как строить дом, как проводить каналы, как ухаживать за деревьями.

На ряду с земледелием, скотоводство в арабской Испании отошло на задний план, хотя некоторую роль играло, преимущественно подсобного характера. Такой же подсобный характер в бе-

реговой полосе играло рыболовство, соединявшееся с добычей амбры и кораллов, имевших большой спрос в тогдашнем мире — и на Востоке и на Западе.

Второй линией, питавшей экономическую жизнь арабской Испании, были промышленность и торговля. Еще в древности в Испании было сильно развито горное дело: добывались золото, особенно серебро, железная руда, ртуть, драгоценные камни. С горной промышленностью соперничала текстильная — шла обработка хлопка, шерсти, шелка. О размере ее дает представление то, что в одной Кóрдове числилось 13 тысяч ткачей. Керамическое производство оставило замечательные памятники искусства, которыми гордятся наш Эрмитаж и другие мировые музеи. В них же, рядом с керамикой, можно найти тончайшие художественные изделия из хрусталя, бронзы, слоновой кости. Кожа в сохранившемся французском термине *cordouan* до сих пор напоминает о происхождении ее со знаменитых кóрдовских фабрик. Нельзя, наконец, забывать, что арабы познакомили Европу с бумагой. Это китайское изобретение, в пределах халифата впервые появившееся в Самарканде в половине VIII в., а затем в тогдашней столице Багдаде, совершило долгий путь через Египет и северную Африку. На территории Европы первые фабрики были основаны арабами в Шáтиве и Толедо, откуда бумага постепенно распространилась по всему западному миру.

Торговля шла рука об руку с земледелием и промышленностью; особенно была важна внешняя морская торговля, и доход с таможен являлся существенной статьей государственного бюджета. Вывоз направлялся, с одной стороны, в Африку, главным образом в Египет, с другой — в Константинополь, откуда товары переправлялись в южную Россию, среднюю Азию и Индию. Непосредственные сношения испанские арабы поддерживали и с крупными центрами восточного халифата — Дамаском, Багдадом, Меккой. Одним из своеобразных продуктов этой торговли были рабы, привозимые в большом количестве из славянских и германских стран; арабские географы сохранили точное описание двух маршрутов купцов работорговцев с запада на восток. Внутренняя торговля регулировалась большим числом разнообразных и хорошо организованных корпораций — цехов купцов и ремесленников. Государство имело ряд монополий и сохраняло за собой общий контроль. Осуществлялся этот контроль своеобразной фигурой инспектора торговли и нравов «мухтасиба»,

и название (*almotacén*) и функции которого сохранились в Испании почти до современности. Благодаря одному из таких мухта-сифов, мы располагаем своеобразным источником для понимания всей торгово-промышленной жизни при арабах. Он занимал этот пост в XI—XII вв. в Малаге и для поучения своим коллегам составил нечто вроде руководства — записок о своей разносторонней деятельности. Вся жизнь мусульманского городка проходит здесь перед глазами читателя в пестрой картине, с рядом выхваченных из действительности деталей. Полнота охвата не оставляет ничего желать. Достаточно сказать, что здесь фигурируют булочники, пекаря и мельники, резники, мясники и содержатели харчевен, дрогисты и аптекаря, работоторговцы и комиссионеры, самые разнообразные ремесленники. Торговля часто шла по старому принципу «не обманешь — не продашь», и автор говорит, что его книга дает «историю обманщиков среди купцов и ремесленников, работающих на рынке, их надувательства при взвешивании и отмеривании; средства, которые они применяют, чтобы обесценивать товары, хитрости, к которым они прибегают в своих действиях», — словом, мы видим всю оборотную сторону этой пышной и блестящей по внешности мировой торговли.

Торговля требовала хорошо организованных путей сообщения. В Испании у арабов в этом отношении были опытные предшественники, и они могли воспользоваться знаменитыми римскими дорогами. Центром и здесь явилась Кórдова, от которой радиусами расходились пути во все стороны: между отдельными провинциями сообщение было тоже улучшено с организацией, как и на Востоке халифата, регулярной почтовой службы.

Торговля в основном была, конечно, денежной. На первых порах, и довольно долго — почти 125 лет, арабская Испания не имела своей монетной единицы и пользовалась той, которая ввозилась с Востока халифата. Только Абд ар-Рахман II начал чеканить монету, и один арабский путешественник X в. (Ибн Хáuкаль) говорит, что при нем в Испании ежегодно чеканилось 200 тысяч динаров. Тип монеты был заимствован с Востока, и единица сохранялась трех видов — золотая, серебряная, медная.

У. ЯЗЫК НАСЕЛЕНИЯ, ШКОЛЫ, БИБЛИОТЕКИ

Когда мы присматриваемся ко всему пестрому населению арабской Испании — разноплеменному и разноверному, у нас

невольно встает вопрос, на каком же языке жители объяснялись друг с другом, какой язык был у них общим? Только в последние десятилетия наукой выяснено, что за всю эту эпоху основная масса обитателей была двуязычной. Конечно, государственным языком являлся литературный арабский — всякий горожанин умел на нем говорить и писать. Различные секретари и литераторы достигали в нем большого совершенства: об этом свидетельствует вся письменность арабской Испании, ни в одной из областей не отстающая от лучших образцов восточного халифата. На ряду с этим литературным языком, как и везде в арабском мире, был распространен в обыденной жизни разговорный диалект, сильно отличающийся от литературной формы. Один географ X в. (аль-Мукаддаси) говорит, что ни один араб с Востока не может его понимать без особых усилий. Дополнительная причина этой трудности лежит в том, что он был в значительной мере насыщен романскими элементами. Для иллюстрации этого у нас есть первостепенный источник — стихи поэта XII в. Ибн Кузмана, уроженца Кордовы, жившего в Гранаде и Севилье, который сочинял свои песни не на литературном, а народном арабском языке. Они сохранились в единственной рукописи в нашем Институте востоковедения; в них мы сразу чувствуем живую речь рынков и улицы, нам сразу делается ясно, почему она была непонятна для арабов, приезжающих с Востока. Картина языков, однако, еще не полна — на ряду с арабским языком в населении был также распространен и романский диалект. В Кордове на нем говорили даже при дворе халифов; судьи должны были его понимать, и в «Истории кордовских судей» мы видим тому много примеров. Смешанные браки, семейные условия иногда делали его господствующим; как редкий случай, рассказывают, что в одном арабском племени, жившем около Кордовы, даже женщины говорили по-арабски. На ряду с этими языковыми формами, на задний план отступал латинский, оставаясь в узких кругах духовенства и ученых. Мы помним, как горько жаловался Альваро кордовский, что даже его молодые единовверцы забывают латинский язык в угоду арабскому.

Школа пользовалась, конечно, арабским литературным языком. Государственной школы не было; надо вспомнить, что и в Багдаде она возникла только в 1065 г. В Испании в середине XIII в. Альфонс ученый основал в Мурсии арабскую школу для мусульман, евреев и христиан. Вообще же школа была обязана,

главным образом, частной и общественной инициативе; иногда она располагала большими возможностями в виде «вакфов» — имуществ, завещанных специально на общепользные цели. Пополнение научными и преподавательскими силами шло как из своей собственной среды, так и благодаря постоянному притоку с Востока халифата, культурный обмен с которым шел неустанно. Школа знала только две ступени — низшую и высшую. В низшей изучались Коран, письмо, грамматика. Грамотность была обычным явлением в противоположность остальной Европе того времени. В высшей школе, кроме коранических и литературных наук, изучались медицина, астрономия, математика, философия. О распространенности высшего образования говорит то, что при халифе аль-Хакме (ум. в 976 г.) в одной Кордове было 27 таких школ.

Этот халиф прославился еще своей знаменитой библиотекой. Вообще библиотеки явились в арабской Испании не менее важным орудием культуры, чем школа. Росту их немало способствовало распространение принесенной арабами бумаги, постепенно вытеснявшей дорогой материал — папирус и пергамен. Книга была единственным средством и обучения и развлечения: ведь у арабов не было ни собраний, ни римских театров, ни греческих академий — все это заменяли библиотеки.

На первых порах завоевания сохранилась еще слабая латинская традиция мозарабов; постепенно начинает создаваться своя арабская книга в Испании, в усилении которой большую роль играют нео-мусульмане. Среди арабских писателей попадаются такие имена, как Ибн аль-Кутья — сын «Готянки», Ибн Фирру — сын «железа», в котором мы узнаем испанское fierro. При Абд ар-Рахмане III начинается большой наплыв с Востока халифата учителей, учащихся, переписчиков, книгопродавцев. Библиотеки растут, и сын его аль-Хакм, объединивший три дворцовых библиотеки, располагал собранием в 400 тысяч томов. Легенда, любящая, как всегда, преувеличения, говорит, что он все эти книги сам прочитал; это конечно невозможно, так как, если читать даже по 10 книг в день, то и тогда на эту библиотеку понадобилось бы больше ста лет. Нет оснований сомневаться в других сообщаемых деталях. Каталог библиотеки состоял из 44 томов по 50 листов в каждом. Существовал специальный библиотекарь-каталогизатор, были переписчики и специалисты-иллюстраторы. Переноска библиотеки в новое

помещение продолжалась 6 месяцев. Она имела своих агентов в различных странах и получала сведения о всех интересных новинках или выплывающих редкостях. Когда в далекой Сирии историк литературы Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани закончил свой двадцатитомный труд о поэтах и певцах — «Книгу песен», халиф предложил ему 1000 динаров за первый экземпляр. Слава библиотек Испании росла, и византийский император прислал в дар Абд ар-Рахману III роскошный экземпляр фармакопеи Диоскорида. Книга была привезена ученым монахом Николаем; халиф и поручил ему, совместно со своим министром-евреем Хасдаем ибн Шапрутом и врачом-арабом Ибн Джульджулем перевести ее на арабский язык. Библиотека аль-Хакама просуществовала, однако, недолго: в виду финансовых затруднений уже в начале XI в. правительство было вынуждено продать большую ее часть. Вообще же в любви к книгам народ не отставал от халифов: в самой Кордове переписывалось ежегодно 16—18 тысяч книг. В библиотеке некоего Ибн Футайса было 6 штатных переписчиков и на аукционе ее оценили в 40 тысяч динаров. Собрания были не только у аристократов: скромный школьный учитель Ибн Хазм славился тщательным подбором своих книг; женщины не уступали мужчинам: в той же Кордове известна была библиотека некоей Аиши. Страсть к книгам распространялась повсеместно: и в Севилье у аббадитов и в Гранáде известны нам знаменитые собрания. Даже после падения арабов несчастные моряки продолжали беречь свои книги, старательно укрывая их от глаз инквизиции; когда им приходилось навсегда покинуть родину, они иногда замуровывали их в стенах или в полу своих оставленных домов: за последний век случайно обнаружилось несколько таких замурованных библиотек.

VI. ПЕРЕХОД НАУКИ И ПОЭЗИИ В ЕВРОПУ

Каков же был состав этих библиотек, какова была арабская литература в Испании? Единство языка и культуры во всех арабских странах сказалось на ней особенно сильно: ни по формам, ни по содержанию она не отличается от тех произведений, которые создавались на Востоке халифата. Везде мы видим однородный материал, который часто совершенно заслоняет местный. Когда один месопотамский критик X в. познакомился

с только что появившейся андалусской литературной антологией, он не без иронии процитировал фразу из Корана: «Это наш же товар, вернулся он к нам». Если мы обратимся для примера к поэзии, в ней мы увидим отражение либо классических форм (с касьдой), либо аббасидско-багдадских (с легкой лирикой); увидим те же пустыни и верблюдов, хотя ни тех ни других в Испании не было; услышим про те же сады и вино. Влияние обстановки сказалось, быть может, только в более частых мотивах борьбы с христианами, в более ярком чувстве природы. Такая же картина встретит нас и в других отраслях литературы; конечно, если бы словесное арабское творчество в Испании ограничивалось повторением знакомых нам по Востоку халифата сюжетов и форм, едва ли о нем стоило бы поминать при речи об арабской культуре в Испании. Однако специфичность его не в этом — специфичность арабско-испанской литературы в двух моментах: во влиянии ее на Европу и в создании в поэзии новых ранее неизвестных форм, распространившихся в соседних романских странах. Они и заслуживают особого внимания.

Влияние это шло двояким путем — книжным, главным образом через переводы различных, преимущественно научных, произведений, и устным — через поэзию и музыку. Центром первого явилось Толедо после обратного завоевания его Альфонсом VI (в 1085 г.). Он был женат на дочери арабского эмира Севильи, ввел при дворе арабский этикет и костюмы, чеканил арабскую монету; даже мозарабское духовенство при нем плохо знало латынь. Проникновению арабской культуры в это время содействовал еще приток евреев, переселявшихся от притеснений альмохадов. В половине XII в. в Толедо была основана особая коллегия переводчиков, благодаря трудам которой европейский Запад получил переводы основной научной литературы по математике, астрономии, физике, алхимии, медицине, естественным наукам, философии, политике. Все знаменитые греки перешли по этому арабскому мосту в Европу: Аристотель, Эвклид, Птоломей, Гален, Гиппократ; со всеми ними до эпохи возрождения знакомились только в латинских переводах с арабского. Велико было количество и оригинальных арабских научных произведений, переведенных тогда же. Система переводов была сложна: сперва давался перевод с арабского на кастильский или еврейский, а затем уже на латинский. Слава культурного центра росла, начался приток ищущих знания из Европы —

не только Франции или Италии, но даже Германии и Англии. Толедо мы можем считать первым очагом научной арабистики. Апогей этой эпохи падает на время Альфонса X (1226—1284 гг.), прозванного «ученым» (El Sabio), который кроме Толедо создал второй центр еще в Севилье. К переводам научных произведений прибавились и другие: Коран, знаменитый, шедший из Индии, животный эпос Калыла и Димна, популярная в средние века книга Синдбада о женском коварстве. В своей всеобщей истории — «Crónica general» — Альфонс пользовался арабскими материалами, так же как и в астрономических таблицах, которые до Кеплера служили руководством для всей Европы. Жизнь его эпохи ярко отразилась в иллюстрациях к составленной им книге о всяких играх; с ними можно теперь познакомиться по недавно выпущенной Эрмитажем книге о шахматах. Близко он стоял к музыке и пению: его сборник песен, так же роскошно иллюстрированный, как «книга игр», открывает нам вторую линию влияния — устной поэзии.

В ней надо выделить особенно одну форму строфической поэзии на чисто народном диалектическом языке, так наз. «зэджалъ». Расцвет ее связывается с тем же поэтом Ибн Кузмáном, которого я уже упоминал, и значение ее для Европы за последнее десятилетие начинает вскрываться с неожиданной яркостью. Хронологические даты и тут направляют нас в определенную область. Вся сила и полнота ранней романской поэзии обнаруживается с развитием «нового стиля» — *dolce stil nuovo*, который распространяется крайне стремительно в XII в., на средиземноморском побережье, связанном с арабами в Галисии, Каталонии, Провансе, Италии. Исследования показывают, что система пользования метрическим материалом здесь такова же, как у зэджалей Кордовы и Гранáды, пышным цветом развернувшихся за 50 лет до этого. Провансальская форма у самых ранних трубадуров с мельчайшими случайными отступлениями напоминает арабскую в Испании. Обычным возражением против возможности прямого влияния арабов служит указание на малую распространенность арабской письменности среди романских народов. При непосредственном устном распространении этот довод падает, особенно если принять во внимание народно-диалектическую форму зэджала. Двухязычность испанского населения в эпоху арабов — установленный теперь факт, и, быть может, скоро всеми будут приняты слова испанского ученого о том, что «единственный ключ, который

объясняет механизм поэтических форм разных лирических систем культурного мира в средние века, скрыт в андалусской лирике, представленной песнями Ибн Кузмáна».

В этом—уже мировое историческое значение арабской поэзии в Испании, такое же мировое и плодотворное, как всей арабской культуры.

Конец этой арабско-испанской культуры на ее родине был печален и мрачен: она была сильна, пока длилось культурное общение, пока *Moros latinados* (латинизованные мавры) были здесь таким же обычным явлением, как *Cristianos algaraviados* (арабизованные христиане). С падением Гранáды наступил окончательный разрыв: пришла католическая реакция и инквизиция. Обращаемые насильно в христианство морíски подняли при Филиппе II восстание, которое было затянато отчаянием на три года (1568—1570 гг.); сто тысяч их было изгнано из Испании. Через 40 лет при Филиппе III (в 1609 г.) были изгнаны последние 500 тысяч. Испания себя обескровила (этот период в истории ее прекрасно характеризуется аргентинским писателем Энрике Ларетта в романе «Слава Дона Рамиро», недавно изданном в русском переводе уже в третий раз). Арабский язык и культура делаются одиозными; остатки их уходят в подполье. Когда еще в 30-х годах XVI в. один из гуманистов и деятелей европейского возрождения бельгиец Николай Кленард проникся неодолимым влечением к арабскому языку, он должен был проехать всю Испанию от края до края, чтобы найти хоть одного человека, который мог бы расширить его познания в этом языке, добытые самоучкой. Отражения этой культуры все же стояли перед взорами лучших умов Испании и в эту мрачную эпоху. В конце того же XVI в. знаменитый Сервáнтес, сам побывавший в тяжелом плену мавританских пиратов, закончил своего Дон Кихота; рассказ о нем связан с повествованием им созданного араба *Sidi Hamete ben Engeli*. Испанские ученые за последний век много сделали для истории арабской культуры на своей родине. Будем надеяться, что не все памятники погибли в огне гражданской войны в Испании, которую ведет испанский народ за демократическую республику против фашистских мятежников, и ученые скоро возобновят свою работу над изучением этой культуры, которая когда-то много дала всему человечеству.

ЛИТЕРАТУРА ПРЕДМЕТА

Две работы по истории арабского периода в Испании остаются классическими до наших дней, хотя они вышли в 60-х годах и носят немалые следы романтизма. Первая принадлежит голландскому арабисту-историку R. Dozy, «Histoire des musulmans d'Espagne jusqu'à la conquête de l'Andalousie par les Almoravides (711—1110)», I—IV, Leyde, 1861. Она посвящена преимущественно политической истории, но отдельные главы имеют непосредственное отношение к культуре, в других рассыпаны часто важные данные. В немецком переводе (Geschichte der Mauren in Spanien bis zur Eroberung Andalusiens durch die Almoraviden, I—II, Leipzig, 1874) автор сделал ряд дополнений; существует английский (1913 г.) и два испанских (1877 и 1920 гг.) перевода, но особенно важное значение имеет новая французская обработка, подготовленная одним из лучших современных знатоков Испании за арабский период (Nouvelle édition revue et mise à jour par E. Lévi-Provençal, I—III, Leyde 1932). Основное изложение R. Dozy в этом издании оставлено без особых изменений, но указания на источники в примечаниях значительно умножены и доведены до последнего времени; там же помещены некоторые поправки и замечания редактора.

Вторая работа посвящена в основном вопросам поэзии и искусства (преимущественно архитектуры): A. F. von Schack, «Poesie und Kunst der Araber in Spanien und Sicilien», I—II, Berlin, 1865. Второе издание без особых перемен вышло на немецком языке (I—II Stuttgart, 1877), но самостоятельное значение приобретает третье издание, представляющее испанский перевод, сделанный известным поэтом и романистом (Poesía y arte de los árabes en España y Sicilia por Don Adolfo Frederico de Schack, Traducción del Alemán por Don Juan Valera de la Real Academia Española. Tercera edición I—III, Sevilla, 1881). Juan Valera вновь переработал перевод всех стихов и в примечаниях дал многочисленные поправки и замечания к изложению Schack'a.

Одна работа, связанная в соответствующей части с книгой R. Dozy, существует в переводе на русский язык (А. Мюллер. История ислама от основания до новейших времен. Пер. с нем. под ред. прив.-доц. Н. А. Медникова, т. IV, СПб., 1896); немецкий

оригинал вышел в 1887 г. и в значительной мере устарел. Очень полезным для русских читателей остается общий исторический очерк, данный А. Е. Крымским (История арабов и арабской литературы. Часть третья, Москва, 1913); им приведена библиография общих пособий до соответствующего периода и в частности перечень (стр. 3) старых русских переводов и переделок различных частей работ Dozy и Schack'a.

Все перечисленные труды касаются вопросов культуры только попутно; систематическое изучение ее различных сторон начинается главным образом в XX в., преимущественно трудами самих испанских ученых. Некоторое представление о характере этой научной испанской литературы дает моя статья «Полвека испанской арабистики» (Зап. Колл. востоков., IV, 1929, 1—32); в этой литературе особенно надо выделить две популярных книги: А. González Palencia, «Historia de la literatura árabe-española» (Barcelona 1928) и «Historia de la España musulmana» (2-е изд., Barcelona, 1929). Вполне общедоступные по изложению, они основаны во всех отделах на серьезном изучении первоисточников и учитывают выводы всей научной литературы. Во второй книжке последняя часть посвящена *Civilización* (стр. 122—206). Капитальное значение имеет одна из новых работ E. Lévi-Provençal «L'Espagne musulmane au X-me siècle. Institutions et vie sociale» (Paris, 1932). Ограничивая свою задачу хронологически, она содержит много экскурсов и в другие периоды. Для своей эпохи она является исчерпывающей монографией по тем отделам, которым посвящена (состав населения; управление и администрация; провинции, охрана границ и организация войска; экономическая жизнь; Кóрдова — столица омейядского халифата).

Лучший обзор влияния арабско-испанской культуры на Европу в различных областях дает сборник «The Legacy of Islam» (Edited by the late Sir Thomas Arnold and Alfred Guillaume, Oxford, 1931); отдельные части в нем обработаны крупнейшими специалистами по соответствующим областям. Одновременно с этой книгой вышла преследующая ту же цель брошюра А. González Palencia, «El Islam y Occidente» (Madrid, 1931), которая рассматривает аналогичные темы (стр. 21—77) в сжатом виде, но с полной основательностью и продуманностью.

Литература по некоторым частным вопросам указана в примечаниях к лекции.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 5. О повести Шатобриана «Последний Абенсераж» см. «Le roman mauresque en France de Zayde au dernier Abencérage» par Marjorie A. Chaplyn, Nemours, 1928, 135—155. Изданная в 1826 году, уже в следующем она была переведена на русский язык (Московский вестник, 1827 г., ч. 1, № 3, 172—183, и № 4, 255—303). В 1925 г. в Каире вышел арабский перевод с обширным очерком истории арабов в Испании известного арабского писателя-эмигранта Шекйба Арслана.

— Источник «Сказки о золотом петушке» Пушкина определен А. А. Ахматовой (Последняя сказка Пушкина, Звезда, 1933, № 1, 161—176); ср. М. Азадовский, Источники сказок Пушкина, Пушкин, Временник Пушк. ком., I, М.—Л., 1936, 149. О большом интересе к Ирвингу в России 20—30-х годов говорят данные, собранные А. Ахматовой в упоминаемой статье, стр. 162—163.

— О биографии А. von Schack'a и переводе им Шах-намэ см. А. Ромаскевич, Очерк истории изучения Шах-намэ, Сб. «Фердовси», Лгр., 1934, 33—34.

— Характеристика основных трудов R. Dozy об арабах в Испании и его исторических взглядов дана В. В. Бартольдом, Изв. Росс. Акад. Наук, 1921, 231—240.

Стр. 6. О нелюбви арабов к морю в древности ср. замечания H. Jansky, «Das Meer in Geschichte und Kultur des Islams», Beiträge zur historischen Geographie, herausgegeben von H. Mžik, Leipzig und Wien, 1929, 41—59. Эта антипатия не помешала им со временем стать выдающимися мореплавателями.

Стр. 8. Роман Ибн Туфейля имеет в переводе на русский язык: «Ибн Туфейль. Роман о Хайе, сыне Якзана». Пер. Ив. Кузьмина под ред. И. Ю. Крачковского, Петербург (Всемирная литература), 1920. Анализу романа и связи испанской литературы с ним посвящена статья Д. К. Петрова, «Одна из испано-арабских проблем». Зап. Коллег. востоков., II, 1926, 73—90. Новый арабский источник по этому вопросу найден испанским ученым E. García Gómez, о работе которого см. мою статью в журн. «Litteris», IV, 1927, 28—33.

Стр. 9. Подробности об истории термина «мавр» см. в статье E. Lévi-Provençal, «Mauren», Enzyklopaedie des Islām, III (1931), 477.

Стр. 10. О роли «славян» в Испании см. статью E. Lévi-Provençal, «Saḳāliba», Enzyklopaedie des Islām, IV, 82—83.

— О термине «муwallад» см. статью W. Heffening, «Muwallad», Enzyklopaedie des Islām, III (1934), 859.

Стр. 11. Отчество знаменитого еврейского деятеля Самуеля Халлеви обыкновенно передается в форме бен Нагдела; в последнее время выясняется, что более правильной является указанная передача, которая уже утвердилась в науке (см. замечания E. García Gómez в журн. al-Andalus, IV, 1936, 1 пр. 2).

— Подробности о мазарабах, с указанием основной литературы см. в статье E. Lévi-Provençal, «Mozaraber» в Enzyklopaedie des Islām, III (1932), 659.

— Приводимый отрывок взят из сочинения Альваро «Indiculus luminosus», в латинском оригинале помещенного в «España sagrada» (изд. E. Florez), XI, 274; в извлечениях он приводится у R. Dozy (изд. E. Lévi-Provençal) I, 317—318, A. von Schack (пер. J. Valera), II, 248—249, и в большинстве произведений, затрагивающих эту эпоху.

Стр. 12. Толедский архив мазарабов, содержащий более тысячи документов, переведен и обстоятельно исследован в капитальном четырехтомном труде A. González Palencia, «Los mozárabes de Toledo en los siglos XII y XIII», Madrid, 1926—1930. Из рецензий на эту работу можно указать более обстоятельные: J. Schacht, «Der Islam», XIX, 1931, 172—177, и L. Bouvat, «Journal Asiatique», CCXX, 1932, 309—325.

— Легенда С. Ф. Ольденбурга «Флора и Евлогий. Быль IX века» напечатана в «Вестнике Европы» за 1909 г., январь, 100—107, и посвящена памяти его учителя арабиста В. Р. Розена. В письмах С. Ф. Ольденбурга (в Архиве Инст. востоков.) часто встречаются упоминания об этой работе под влиянием чтения книги R. Dozy, с отзывами о ней.

Стр. 13. О происхождении термина «мориски» и библиографию по их истории см. в статье E. Lévi-Provençal, «Moriscos» в Enzyklopaedie des Islâm, III (1932), 653—654.

— Сведения о населении Гранады в начале XIV в. приводятся в статье Karl E. Schabinder, «Die Kulturträger in den Maurischen Staaten», Die Welt des Islams, I, 1913, 118.

Стр. 14. «История кордовских судей» ал-Хушанӣ издана, исследована и переведена J. Ribera в 1914 г.; общая характеристика этого произведения дана Д. К. Петровым в рецензии на работу в журн. «Востоку», кн. 3, 1923, 201—202.

Стр. 15. Вопросу о влиянии арабского апелляционного суда на судебные учреждения Арагона посвящена специальная работа J. Ribera, вышедшая в 1897 г., краткие сведения о которой приведены в моей статье «Полвека испанской арабистики», Зап. Коллег. востоков., IV, 1930, 12.

— Перевод «Ожерелья голубки» Ибн Хазма, сделанный М. А. Салье, выпущен под моей редакцией издательством Academia в 1933 г., с обстоятельной вступительной статьей переводчика. Приводимые дальше стихи Ибн Хазма, которые известны в различных вариантах, переведены мною по тексту историка ал-Маққарӣ, перепечатанному в «Арабской хрестоматии» В. Ф. Гиргаса и В. Р. Розена, СПб., 1876, 563, № 143.

Стр. 16. По истории рибатов в арабской Испании, несколько отличающихся от возникавших на востоке халифата, равно как об их влиянии в позднейшее время, существует специальное исследование Jaime Oliver Asín «Origen árabe de rebato, arrobda y sus homónimos. Contribución al estudio de la historia medieval de la tactica militar y de su léxico peninsular». Madrid, 1928.

Стр. 18. Кордовский календарь 961 г. опубликован R. Dozy, «Le Calendrier de Cordoue de l'année 961, texte arabe et ancienne traduction latine», Leyde, 1873.

— Стихотворный трактат Ибн Луйуна, сохранившийся в единственной фрагментированной рукописи 1348 г. в Гранаде, до сих пор полностью не издан. Библиографические данные о нем см. у E. Lévi-Provençal, «Les manuscrits arabes de Rabat», Paris, 1921, 21, № 58.

Стр. 19. Об изобретении бумаги и главных этапах ее движения с Востока на Запад свод сведений дает G. Jacob, «Der Einfluss des Morgenlandes auf das Abendland, vornehmlich während des Mittelalters», Hannover, 1924, 31—35.

— Маршруты купцов с Запада на Восток, сохраненные географом IX в. Ибн Хордәдбехом, переведены и комментированы В. Р. Розеном в работе «Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах», II, СПб., 1903, 123—131.

Стр. 20. Записки мухтасиба из Малаги издали в арабском тексте G. S. Colin et E. Lévi-Provençal, «Un manuel historique de Hisba». I. Texte arabe. Paris, 1931. Довольно значительные отрывки переведены E. Lévi-Provençal в работе, упомянутой в обзоре литературы; общее понятие об этом произведении и известных аналогиях к нему, равно как о самом учреждении, может дать моя статья «Торговая инспекция на востоке халифата и в Испании», Библ. Востока, II—IV, 1934, 98—104.

— Монетная система в арабской Испании в разные периоды изменялась довольно значительно; подробности даны E. Lévi-Provençal, «L'Espagne musulmane au X-me siècle», Paris, 1932, 75—76, и R. Vasmer'ом в Handwörterbuch der Münzkunde (Berlin, 1930) под словами «Dinar» (стр. 141—142) и «Dirhem» (стр. 146—147).

Стр. 21. Вопросу о языках Испании посвящен ряд работ J. Ribera, основные положения которых вкратце формулированы в моей статье «Полвека испанской арабистики», Зап. Коллег. Востоков., IV, 1930, 15—17.

— Стихотворения (дйвāн) Ибн Кузмāна, впервые исследованные J. Ribera (см. в моей упомянутой статье, стр. 15—26), в настоящее время изданы в латинской транскрипции с частичным испанским переводом A. R. Nykl, «El cancionero de Aben Guzmán», Madrid, 1933. Среди известных мне рецензий наибольшее значение представляют: C. A. Nallino, «Oriente Moderno», XIII, 1933, 490—491; Georges S. Colin, «Hespéris», XVI, 1933, 165—169; K. Mlaker, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», XLI, 1934, 312—314; M. Guidi, «Rivista degli Studi Orientali», XV, 1934, 109—110; J. Hell, «Orientalistische Literaturzeitung», 1935, 237—241. Обзор литературы в Enzyklopaedie des Islām, Ergänzungsband, 1936, 94—95.

Стр. 22. Школе и образованности у испанских арабов посвящено обстоятельное исследование J. Ribera, содержание которого изложено в моей статье, Зап. Коллег. востоков., IV 1930, 10.

— История библиотек в арабской Испании специально исследована J. Ribera, работа которого изложена в моей статье, Зап. Коллег. востоков., IV, 1930, 11—12.

Стр. 23. Об открытии в 1884 г. одной из библиотек морйсков, которая оставалась замурованной около трех столетий, сообщает J. Ribera в предисловии к своей книге «Manuscritos árabes y aljamiados de la Biblioteca de la Junta», Madrid, 1912 (перепечатана в его «Disertaciones y opúsculos», I, Madrid, 1928, 417—418).

Стр. 25. О «Книге игр» Альфонса ученого с воспроизведением ряда миниатюр см. в работе И. Орбели и К. Тревер «Штатаранг. Книга о шахматах», Лгр., Гос. Эрмитаж, 1936, 75—134.

— Об арабской поэзии в Испании и ее влиянии на Европу см. в моей статье «Арабская поэзия», «Восток», книга IV, 1924, 108—110.

Стр. 26. Первый перевод романа Энрике Ларрета под заглавием «Подвиг Дон Рамиро» был напечатан издательством «Всемирная литература» в Берлине в 1922 г. с моей статьей «Подвиг Дон Рамиро и арабская старина» (стр. 23—27); второй (сокращенный) перевод «Слава Дон Рамиро» вышел в серии «Романы приключений» (издательство «Круг») в 1928 г.; третий — в серии «Исторические романы» в 1936 г., то же с сокращениями.

— Любопытная история поисков Н. Кленардом учителя арабского языка в Испании изложена А. Крымским в статье «Очерки из истории ориенталистики в XVI и XVII веке» (оттиск из II т. III вып. «Древности восточных»), Москва, 1903, 9—12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Арабская культура в Испании	5
I. Хронологические рамки. Центры культуры	6
II. Состав населения	8
III. Администрация, суд, войско	13
IV. Экономическая жизнь (земледелие, промышленность, торговля)	17
V. Язык населения, школы, библиотеки	20
VI. Переход науки и поэзии в Европу	23
Литература предмета	27
Примечания	29

700р
МД 502
ЦЕНА 50 КОП.

Прием заказов и подписки

НА ВСЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПРОИЗВОДИТСЯ.

1. В Отделе Распространения Издательства Академии Наук СССР. Москва, проезд Художественного театра, 2. Тел. 33-44.
2. В Ленинградском отделении Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, 104, пр. Володарского, 53а. Тел. 1-99-18.
3. Доверенными Издательства, снабженными специальными удостоверениями.

Вниманию абонентов: научные работники и учреждения, состоящие абонентами, направляют запросы и заказы в Абонементный сектор Издательства Академии Наук СССР — Москва, проезд Художественного театра, 2.